

Энергия молодости как движущая сила науки

Так же, как российское могущество прирастает Сибирью, могущество Сибирского отделения прирастает молодыми учеными. Они приходят в науку разными путями, но затем все эти тропинки сливаются в одну дорогу, ведущую в будущее. Молодые исследователи СО РАН ответили на вопросы «Науки в Сибири» о том, почему они выбрали именно Сибирское отделение, к какой научной школе себя относят и как видят себя в дальнейшем.

Кандидат геолого-минералогических наук Андрей Владиславович Вишневецкий, [Институт геологии и минералогии](#) им. В.С. Соболева СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Как и многие мои товарищи, я остался работать в институте после окончания [НГУ](#). Желания уехать в более «тихое» в научном плане место не возникало. Я бы не сказал, что в Москве или Петербурге уровень геологической науки заметно выше – [ИГМ](#) занимает лидирующее положение в России по многим показателям. За рубежом, конечно, многое по-другому как в плане доступности приборов, так и финансирования, – и были, и есть интересные варианты, но пока имеется возможность работать здесь, не чувствуя себя ненужным (во всех смыслах этого слова), можно продолжать это делать.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Считаю, что являюсь последователем школы академиков Кузнецовых – Юрия Алексеевича и Валерия Алексеевича. Они учителя наших учителей, известнейшие геологи, заложившие базовый подход к изучению магматических и рудных формаций. Но хоть мы и стоим на плечах таких гигантов, не надо себя чувствовать микробом, а расти вверх, чтобы привнести что-то новое в геологию рудно-магматических систем. Думаю, не пойду против правды, сказав, что каждый геолог-рудник или геолог-магматист хочет либо открыть месторождение, либо сделать значительный/решающий вклад в решение фундаментальных проблем геологии. Конечно же, мне хотелось бы сделать что-то такое. Точнее, и то, и другое.

Кандидат физико-математических наук Александр Анатольевич Шевырин, Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Каждый выпускник физического факультета [НГУ](#) начинает плотно работать в учреждениях СО РАН еще на первых курсах. Такое взаимодействие с рабочей атмосферой, сотрудниками и установками неизменно производит неизгладимое впечатление. Меня не

миновала сия участь: вопрос был с выбором места будущей работы внутри СО РАН. Надо иметь веские причины, чтобы отказаться здесь работать, особенно если такая возможность есть.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Я отношу себя к школе механиков Академгородка, появление которой неразрывно связано с именами таких академиков, как Н.Н. Яненко, В.В. Струминский, С.А. Христианович. Почерком этой школы всегда было взаимодействие фундаментальных исследований и практических разработок. Коллективу лаборатории вычислительной аэродинамики [ИТПМ СО РАН](#), которой до недавнего времени руководил проф. М.С. Иванов, удалось дополнить эти черты успешным продвижением внятных результатов научной работы в индустрии. Разрабатываемые пакеты программ для решения задач аэродинамики удавалось продавать аэрокосмическим центрам по всему миру. Это ли не экспорт наукоемкой продукции, на который возлагаются надежды? Поддержание численных средств исследований аэродинамики на высоком уровне требует постоянного их развития, ежедневной работы, за счет чего мы не сдаем позиции, а иногда и продвигаемся вперед.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– На короткую перспективу будущее науки в Сибири определено: постепенное отмирание научного образа жизни в пользу бюрократических формальностей. Такое будущее с необходимостью следует за попытками управлять и руководить научным процессом извне. Самоуправление науки ушло, пришли новые веяния. Главное – сохранить собственное любопытство, которое и делает труд научных сотрудников таким особенным. Тогда можно будет и новые веяния приспособить на пользу делу.

Кандидат химических наук Мария Валерьевна Алексеева, [Институт катализа им. Г.К. Борескова СО РАН](#)

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Выбор этот был, естественно, не сиюминутным. Еще в школе я заинтересовалась естественными науками. При этом большую роль сыграли не только образовательные школьные курсы и популяризация науки в СМИ в то время, но и во многом мои родители. Именно от них я впервые узнала о таком месте, как новосибирский Академгородок, и именно благодаря их теплым отзывам заочно прониклась к нему уважением. В июне 2003 года родители привезли меня, десятиклассницу, знакомиться с Новосибирским государственным университетом... и я влюбилась! Это было как раз во время сессии, жизнь в университетских корпусах кипела. На тот момент мне казалось, что быть студентом [НГУ](#) – это нечто недостижимое, однако я уже не могла допустить мысль о поступлении в какой-либо другой вуз. Спустя год я поступила в [НГУ](#) на факультет естественных наук, и начался мой научный путь. Дальше – годы студенчества, дипломная практика, аспирантура в [Институте катализа](#), где и работаю по сей день. В общем, закрутилось. Отныне здесь, в Академгородке, мой дом, интересная творческая работа и постоянный рост над собой. Возможно, это удивительно, но во время заграничных командировок осознаю, что не хочется надолго покидать это любимейшее сердцу место.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Я бы отнесла себя к школе выдающегося ученого Георгия Константиновича Борескова, который в годы зарождения Академгородка приехал сюда, в Сибирь, закладывать основы и развивать науку о катализе. В 1958 году под его руководством был создан [Институт катализа](#), который по сей день носит имя Георгия Константиновича, и во многом благодаря его стараниям приобрел мировую известность. Хочется отметить, что в России каталитические технологии постоянно развиваются, следуя заветам Г.К. Борескова, ведь он полагал, что «прогресс в химической, нефтеперерабатывающей и многих других отраслях промышленности неразрывно связан с разработкой нового катализатора или с коренным усовершенствованием применявшегося ранее».

В настоящее время, являясь сотрудницей [Института катализа](#) им. Г.К. Борескова, я испытываю гордость за то дело, которым занимаюсь. Мои научные интересы относятся к сфере развития каталитических технологий переработки возобновляемого биосырья. Актуальность данного направления исследований связана с постепенным ужесточением экологических требований, колебаниями цен на нефтепродукты, истощением их сырьевых запасов. При этом, пожалуй, все понимают, что именно традиционные энергоресурсы (нефть, уголь, природный газ) в основном покрывают нужды ключевых секторов промышленности и обеспечивают экономическую платформу страны.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Приятно отметить, что российская наука старается идти в ногу со временем и не уступать зарубежным коллегам в решении актуальных вопросов, в том числе альтернативной энергетики. Я и мои коллеги также будем стараться вносить свой вклад в ее развитие.

Аспирантка, врач-кардиолог, липидолог Ксения Сергеевна Бенимецкая, Научно-исследовательский институт терапии и профилактической медицины

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Я выбрала для научной работы НИИ терапии и профилактической медицины, относящийся к СО РАН, потому что в нем доступен широкий круг различных методов исследований, выполняются крупные, в том числе международные, проекты, трудятся известные ученые, которые готовы к сотрудничеству с молодыми кадрами и свободно делятся своими знаниями и опытом, что, конечно, очень ценно для начинающего ученого. Плоды работы в таких благоприятных условиях не заставляют себя долго ждать.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Я отношу себя к научной школе НИИ терапии и профилактической медицины, так как мое формирование и как ученого, и как клинициста происходит в его стенах – я поступила сюда на учебу, а затем и работу сразу после Медицинского университета.

Академик Юрий Петрович Никитин, академик Михаил Иванович Воевода, чл.-корр. РАН Юлия Игоревна Рагино, профессор Владимир Николаевич Максимов, профессор Константин Юрьевич Николаев, профессор Валерий Васильевич Гафаров, профессор Софья Константиновна Малютина, профессор Светлана Арсентьевна Курилович, доктор медицинских наук Оксана Дмитриевна Рымар и другие ведущие ученые много лет

формируют фундаментальную научную школу института и продолжают это делать ежедневно.

В свою очередь в будущем я бы, конечно, хотела соответствовать высокому уровню профессионализма и научных результатов, принятых в институте.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Наука широко входит в нашу жизнь, качественно меняя ее. Последние десятилетия и годы этот процесс значительно ускорился, будет ускоряться и дальше. Исследователь будущего должен иметь широкий научный кругозор и быть способным создавать новое, часто не только в своей, но и в смежных областях знаний. Буду стремиться развивать эти качества для успешной продуктивной научной работы.

Кандидат геолого-минералогических наук Сергей Владимирович Ращенко, [Институт геологии и минералогии](#) им. В.С. Соболева СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Я не уверен, выбрал ли я эту работу или работа выбрала меня. В свою лабораторию я попал на третьем курсе и, защитив в ней дипломные работы, а затем и диссертацию, естественным образом влился в коллектив. Впоследствии, сотрудничая с коллегами из других научных центров, в том числе и зарубежных, я неоднократно убеждался в том, что, по крайней мере, в нашей области исследований мы находимся среди лидеров в России и вполне конкурентоспособны на мировом уровне.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Наша научная группа, как и большинство отечественных коллективов, изучающих структуру кристаллов, продолжает традиции советской школы структурной кристаллографии, заложенные Николаем Васильевичем Беловым и Георгием Борисовичем Боким и развивавшиеся в Сибирском отделении (тогда еще АН СССР) их учениками – В.В. Бакакиным и С.В. Борисовым. Определение кристаллической структуры является ключевым методом при изучении минералов и кристаллических материалов, и важным вкладом, который мы с коллегами могли бы внести, было бы создание в нашем институте оснащенного современным оборудованием сектора кристаллографии минералов.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Будущее естественных наук, на мой взгляд, однозначно – в совершенствовании приборной базы. К сожалению, сейчас мы особенно остро это ощущаем в конкуренции с «вооруженными до зубов» зарубежными коллегами, в то время как наше финансирование даже с учетом крупных (по российским меркам) грантов [РНФ](#) не позволяет приобретать дорогостоящее оборудование. Всё бóльшую роль в будущем будут играть установки коллективного пользования класса megascience: источники синхротронного и нейтронного излучения, лазеры на свободных электронах, и в этом направлении также предстоит преодолеть накопившееся в последние годы отставание нашей страны от США, Европы, Японии и других стран.

Кандидат исторических наук Ольга Владимировна Голубкова, [Институт археологии и этнографии СО РАН](#)

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Это дает возможность заниматься тем, что мне нравится: этнографией и исследованиями в данной области. Вариант другой организации даже не рассматривался: уезжать не думала, так что где родилась, там и осталась.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Скорее, к направлению – традиционной этнографии. Хотелось бы продолжить исследования мифологических представлений славянских и финно-угорских народов. Так что основной вклад – реконструирование таких утраченных мифологических образов. Может, в дальнейшем появятся и другие планы в этой сфере, но они ведь возникают по мере поступления материала, сведений.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Конечно, хочется видеть будущее науки светлым, успешным, востребованным и, соответственно, способствовать этому.

Кандидат биологических наук Владимир Александрович Трифонов, [Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН](#)

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– СО РАН – организация с высоким авторитетом и высококвалифицированными специалистами мирового уровня, настоящими мастерами своего дела. Сотрудники институтов имеют возможность заниматься творческой работой, имеют определенную степень свободы и большие возможности для научного роста. Кроме того, Академгородок – очень комфортное место для жизни.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Мои учителя и коллеги были учениками величайших генетиков – основателей целых дисциплин и направлений. Безусловно, мы пытаемся соответствовать высокому уровню, заложенному более ста лет назад. Однако очень трудно конкурировать с хорошо оснащенными и прекрасно финансируемыми ведущими лабораториями мира. Если не изменится ситуация, мы будем продолжать смещаться на периферию от основного русла науки.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Будущее науки в нашей стране предсказать довольно сложно. Не очень ясно, чем кончится реформа, насколько стабильным будет финансирование, будет ли возможность закупать новое оборудование, привлекать молодых специалистов. Будем надеяться, что когда-то будут перемены к лучшему. С нашей стороны просто нужно много и честно работать.

Кандидат химических наук Елизавета Викторовна Лидер, [Институт неорганической химии](#) им. А.В. Николаева СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Моя жизнь с рождения была связана с Академгородком – мама работала (и работает по сей день) в [ИЯФ СО РАН](#), можно сказать, что мое детство прошло в стенах этого института. Еще будучи ребенком, я ходила на экскурсии по бесконечным лабиринтам подземки [ИЯФа](#), где большие ученые пытались рассказывать простым языком (насколько это вообще возможно), как устроены ВЭПы и для чего они нужны. Было абсолютно ничего не понятно, но обстановка завораживала, и было желание понять, что же происходит вокруг. Желание с годами никуда не делось, а, возможно, даже усилилось, поэтому к моменту окончания школы вопроса о том, куда пойти учиться не возникало. [НГУ](#) – ведущий вуз России, в который едут поступать выпускники со всей страны, а у меня эта кузница научных кадров находится в нескольких километрах от дома. Вопрос был лишь в выборе факультета и области науки, которой предстояло посвятить жизнь. Выбор пал на химию и факультет естественных наук, не последнюю роль в выборе тогда сыграл слоган факультета «ФЕН – значит первый» и то обстоятельство, что по многочисленным отзывам именно на этом факультете обучают дисциплинам по нескольким областям наук, т.е. в жизни будет открыт широкий выбор возможностей для дальнейшей научной карьеры. ФЕН не подвел, а уже со второго курса началась самая настоящая научная жизнь в стенах [Института неорганической химии](#) СО РАН.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Моя научная деятельность связана с координационной химией, которая является одним из наиболее масштабных направлений, развиваемых в [ИНХ](#) СО РАН.

Основателем координационной теории комплексных соединений является швейцарский химик Альфред Вернер. Координационная теория Вернера 1893 года была первой попыткой объяснить структуру комплексных соединений. По мнению выдающегося химика-неорганика Льва Александровича Чугаева, «только с появлением теории Вернера химия координационных соединений утратила характер лабиринта или темного леса... Ныне в этом лесу проложены мировые дороги». В 1913 г. за работы по координационной химии А. Вернеру была присуждена Нобелевская премия.

Развитие координационной химии в [ИНХ СО РАН](#) связано с именем Валентина Михайловича Шульмана – первого заведующего лабораторией синтеза комплексных соединений (изначально лаборатория химии лантанидов). В.М. Шульман был учеником А.А. Гринберга, а А.А. Гринберг являлся учеником Л.А. Чугаева. Именно Л.А. Чугаев и Н.С. Курнаков, чье имя носит один из крупнейших химических институтов России – ИОНХ РАН, были основателями школы координационной химии в России.

Несмотря на более чем 100-летнюю историю, координационная химия бурно развивается в наши дни. Однако, в свете вызовов современного общества, цели ученых в развитии координационной химии сильно сместились в практическую область. Сегодня в [ИНХ СО РАН](#) группа ученых, к числу которых отношусь и я, работает над получением новых координационных соединений с заданными свойствами. Среди многообразия возможностей практического применения координационных соединений я выбрала для себя фармакохимическое направление. Мое внимание привлекли комплексные

соединения – перспективные фармацевтические препараты для диагностики и лечения опухолевых заболеваний. Нерешенные проблемы, связанные с противораковой терапией препаратами на основе платины, подтверждают необходимость в разработке новых соединений, обладающих альтернативным механизмом действия. В этой связи неплатиновые комплексы являются потенциально привлекательными в качестве противоопухолевых агентов. Кроме того, предполагается, что противоопухолевые препараты на основе эндогенных металлов (Cu, Co, Zn, Fe) будут менее токсичны для раковых клеток по сравнению с платиновыми аналогами.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Несмотря на сложности в нынешнем восприятии научного сообщества, я верю, что будущее у науки в России есть. Это видно по числу молодежи, которая стремится в науку. Это видно по темпу развития и по финансовым вливаниям со стороны государства. За последнее десятилетие значительно выросло материально-техническое оснащение институтов, которое теперь может соперничать с оснащением ведущих мировых научных центров. Мое место в науке будет определяться течениями и вызовами времени. Уже пройдена небольшая часть пути в научной карьере, и я планирую продолжить ее в будущем.

Кандидат химических наук Татьяна Юрьевна Кардаш, [Институт катализа](#) им. Г.К. Борескова СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Я закончила ФЕН [НГУ](#), и поэтому выбор дальнейшего пути – научная карьера в СО РАН, на самом деле, сложился практически сам собой. С другой стороны, на пятом курсе были и другие альтернативы, например, пойти работать в исследовательский центр компании, связанный с нефтедобычей. Однако, несмотря на то, что никто из моей семьи никак не был связан с наукой и СО РАН, меня с первых курсов университета захватила идея, что можно решать новые научные задачи и, что самое важное, формулировать эти задачи самостоятельно.

Во время учебы удалось выполнить курсовые в нескольких химических институтах, поэтому для выполнения диплома я выбрала наиболее интересную мне область. За время выполнения дипломной работы мне удалось освоить новый метод, появился азарт получить новые результаты, разобраться до конца в проблеме. И во многом поэтому я пошла учиться в аспирантуру. Этот азарт до сих пор является важным мотиватором в работе и продолжении научной карьеры.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Мы в нашей лаборатории занимаемся структурным исследованием катализаторов. Нужно сказать, что для задач рентгеноструктурного анализа катализаторы – очень неудачные объекты. Наиболее интересные системы с точки зрения катализа зачастую сильно разупорядочены, для них не работают традиционные подходы. Поэтому много лет в нашей лаборатории развивались специальные методы и подходы для изучения подобных систем. «Нанобум» последних 10—15 лет показал, что эти подходы чрезвычайно важны для исследования различных материалов с новыми свойствами. В своих исследованиях –

применять и развивать подобные подходы, расширять круг объектов и показать, что для сильноразупорядоченных материалов и дисперсных систем можно получать много структурной информации, которая чрезвычайно важна для понимания их свойств.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Если рассуждать глобально, у науки, несомненно, большое будущее. Мы вступили в эпоху, когда отказаться от достигнутых успехов в технологиях и остановить прогресс просто невозможно. Я считаю, что прогресс в технологиях и развитие науки – вещи взаимосвязанные, и одно невозможно без другого. Свое место в науке предвидеть значительно сложнее, но я надеюсь, что наши знания будут и дальше востребованы. Хотя это очень сложно, потому что прогресс ускоряется во всех областях. Для того чтобы не потерять свои позиции, нужно быть в курсе мировых веяний и развивать наше направление в соответствии с возникающими задачами. Нужно всё время придумывать что-то новое.

Кандидат биологических наук Юлия Николаевна Хантакова, Научно-исследовательский институт фундаментальной и клинической иммунологии

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Изначально, когда я поступала на медицинский факультет [НГУ](#), как все в 16 лет, я мечтала помогать людям, сделать всех здоровыми и счастливыми. Однако чем дольше шли занятия, чем глубже мы погружались в мир медицины, становилось понятно, как много еще неясного в причинах заболеваний и сколько еще нужно открыть и сделать для лечения многих из них. Во время цикла «Иммунология» на четвертом курсе я подумала про себя: «Нет, это не для меня», однако когда на пятом курсе начались поиски места для прохождения дипломной практики, мне попалась на глаза работа по новому методу лечения онкологических заболеваний с помощью клеток, которая проводилась и проводится до сих пор в Институте иммунологии. Почему в итоге я осталась здесь? Здесь я своими руками делаю то, чем занимаются многие передовые институты мира. Научная работа – это творчество, когда ты сам из идеи можешь создать то, что будет помогать людям – разве это не здорово? Кроме того, наука не позволяет сидеть на месте. Если ты хочешь внести вклад в ее развитие, то надо постоянно развиваться самому, быть в тренде, как сегодня говорят.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Если честно, только услышав вопрос о научной школе, я задумалась: «А какая?». Дело в том, что иммунология – молодая наука. Назвать чью-то фамилию я затрудняюсь, однако считаю, что, благодаря уже доказанной роли иммунной системы в поддержании гомеостаза всего организма, именно с ней, в итоге, будут связаны будущие направления лечения многих заболеваний. Та же онкология: уже доказано, что нарушение реактивности иммунной системы приводит к тому, что злокачественные клетки начинают активно разрушать организм, а восстановление нормального функционирования иммунной системы приводит к разрушению опухоли. Все последние прорывы в лечении онкологических, аутоиммунных, инфекционных заболеваний во всем мире связаны именно с иммунологией: клеточная иммунотерапия, моноклональные антитела. В своей работе я занимаюсь тем, что обучаю иммунные клетки распознавать злокачественные клетки и вызывать их элиминацию. К сожалению для больных, мы еще до конца не изучили все тонкости взаимодействия опухолевых и иммунных клеток, поэтому не у всех

пациентов можно добиться хорошего ответа на иммунотерапию. Однако этим и интересна наука – любое открытие ставит перед тобой всё новые и новые задачи, которые надо решать. Иногда мне кажется, что все научные открытия – как игра в матрешку: только ты разобрался во всем, сложил все кусочки пазла вместе, и бац – матрешка открывается, и тебя ждет там новая задачка, новые проблемы и открытия.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Скажу банальность, но за наукой будущее. И я верю, что моя работа сделает это будущее на шаг ближе, продлив жизнь, как минимум, онкологическим больным.

Кандидат геолого-минералогических наук Юлия Владиславна Баталёва, [Институт геологии и минералогии](#) им. В.С. Соболева СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Выбор работы в Сибирском отделении РАН был предопределен выбором [НГУ](#) для получения высшего образования. Связь между университетом и институтами в Академгородке очень прочна и понятна. Работать в Институт геологии и минералогии я пошла уже со второго курса обучения на ГГФ, и продолжаю по сей день, уже восемь лет, с момента выпуска из университета.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Я, без сомнения, отношусь к научной школе академика В.С. Соболева, моя работа сопряжена с экспериментальными исследованиями процессов алмазообразования, одной из ключевых тем для этой научной школы. Человеком, определившим направление моей карьеры, моим учителем и наставником является Юрий Николаевич Пальянов, лидирующий российский ученый в области экспериментальной минералогии алмаза. Я думаю, что ключом к успеху для молодого ученого является удачный выбор научного руководителя и готовность перенимать у него не только научные знания, но и жизненную мудрость. Наиболее важным вкладом в развитие научной школы, который я могу внести, служат мои идеи, которые, к счастью, имеют возможность воплотиться в жизнь и пройти весь путь от эксперимента до научной публикации. Но только с условием работы в команде и с учетом всего того научного «фундамента», который я получила от своих наставников, а те, в свою очередь, от своих наставников и так далее.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– По моему мнению, будущее науки в двух основных моментах, первый из которых – в качественном осмыслении огромного массива информации, накопленной нашим и всеми предшествующими поколениями ученых, которое может быть осуществлено с применением современных возможностей систематизации, хранения и упорядочения данных. Количество информации растет в геометрической прогрессии, и всё чаще ученый, не отследив нужное в этом огромном потоке, оказывается в затруднительном положении, обнаружив на финальной стадии исследования, что он «изобрел велосипед». Естественно, это тормозит развитие науки. А в полной мере использованные данные, напротив, послужат «лесенкой», ускоряющей ученого в покорении научных вершин. И второй момент, на мой взгляд, – это перспективность интеграционных научных проектов и коллабораций, которые могут быть особенно успешны между институтами новосибирского Академгородка и СО РАН в целом.

Кандидат геолого-минералогических наук
Василий Валерьевич Марусин, Институт
нефтегазовой геологии и геофизики
им. А.А. Трофимука СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– В СО РАН я попал достаточно тривиально: после школы поступил на геолого-геофизический факультет [НГУ](#), а поскольку обучение в университете и работа в институтах Сибирского отделения очень тесно взаимосвязаны, логичным итогом стало попадание в лабораторию определенной тематической направленности – в лабораторию палеонтологии и стратиграфии докембрия [ИНГГ](#) СО РАН, где я сейчас работаю. Почему я всё же остался в Сибирском отделении, хотя после университета, несомненно, были возможности последовать примеру многих моих коллег и пойти работать вахтовым методом? Мне интересна наука. Расставляя приоритеты, хочется заниматься тем, что интересно. И если есть такая возможность (объективная возможность, предполагающая также и приемлемый уровень заработка), то нужно ее использовать.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Трудно себя отнести к конкретной научной школе. На мое становление в процессе обучения в университете и на ранних этапах научной деятельности оказали влияние разнообразные специалисты. Наибольшее влияние, конечно, принадлежит моему научному руководителю – доктору геолого-минералогических наук [Дмитрию Владимировичу Гражданкину](#). Своим примером он оказал колоссальное влияние на формирование меня как специалиста и определил мое видение научной дисциплины, а также тех вопросов, над решением которых мы сейчас работаем. Но на самом деле количество крупных специалистов, у которых всегда есть, чему поучиться, в нашем институте очень велико. Например, академики Николай Леонтьевич Добрецов, [Алексей Эмильевич Конторович](#), [Михаил Иванович Эпов](#), несомненно, имеют что-то такое, к чему определено стоит прислушаться и, как минимум, взять себе на заметку, даже если это напрямую не связано с твоей дисциплиной.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Мировая наука вообще, несомненно, будет развиваться, и чем дальше, тем больше. Всё более популярным становится интеллектуальное развитие, всё более популярным становится задавать вопросы себе и окружающим об устройстве мира, и, соответственно, появляется всё больше и больше ученых. Постоянно возрастающая между ними конкуренция, несомненно, повлечет за собой всё новые открытия, новые результаты. Результаты будут становиться всё более значимыми в области как фундаментальных, так и прикладных дисциплин, поэтому будущее науки вообще – самое что ни на есть светлое и радужное. Если говорить о науке в Сибирском отделении, хотелось бы надеяться, что всё это можно будет сказать и про нее. Как оно в итоге повернется, зависит во многом не от нас, но это отнюдь не значит, что у нас есть право опускать руки и делать свою работу хуже. Будем делать то, что должны, а что будет дальше – станет видно дальше.

Кандидат физико-математических наук Илья Игоревич Бетеров, [Институт физики полупроводников](#) им. А.В. Ржанова СО РАН

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Здесь сложилось множество факторов. Главные из них – то, что в Академгородке я себя чувствую на своей территории, у себя дома, и у меня есть возможность заниматься в институте интересными мне научными задачами на уровне, который вполне соответствует мировому. Кроме того, у нас много возможностей для работы с молодежью, преподавание в [НГУ](#) и [НГТУ](#), научное руководство студентами и аспирантами, которые приходят к нам в лабораторию – это очень важная для меня составляющая работы. Те, кто уезжает работать за границу, начинают обучать иностранных студентов, а это мне не так интересно. Российские же столицы за последние десятилетия стали малопривлекательными для научной работы и в плане возможностей, и в плане условий для жизни.

Практически все места, где я бывал, для меня в том или ином отношении уступают Академгородку, в том числе и те, которые традиционно сравнивают с ним. Удивителен талант основателей Академгородка, которые предусмотрели абсолютно всё и смогли создать гармоничную среду. И не менее удивительно то, что Академгородок пережил 1990-е годы, выстоял и даже приобрел новый облик.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– В большей степени я ощущаю свою принадлежность к сообществу, которое занимается проблемами лазерного охлаждения в Академгородке. Это представители трех институтов: [Института лазерной физики](#), [Института автоматки и электротриии](#), [Института физики полупроводников](#). Формирование этого сообщества было поддержано интеграционным проектом СО РАН, мы ежегодно проводим всероссийскую конференцию по физике ультрахолодных атомов. Сейчас нас также поддерживает [НГУ](#). Квантовые технологии сейчас вызывают огромный интерес в мире и в России. Собственно, технологий пока немного, но физика там очень интересная, и хотелось бы, чтобы Академгородок в этой области занимал ведущие позиции. Мы, впрочем, не даем пустых обещаний и из-за этого несколько проигрываем тем, кто обещает много.

Конечно, надо отметить замечательную теоретическую и экспериментальную школу в области лазерной физики, которая давно сложилась в Академгородке. Нам читали лекции С.Г. Раутиан и [А.М. Шалагин](#), в мире очень широко известно имя В.П. Чеботаева, с которым прочно ассоциируется лазерная тематика в Новосибирске.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Конечно, будущее науки сейчас вызывает серьезную обеспокоенность. Интерес к науке стал меньше во всем мире после окончания холодной войны, правительства всех стран (кроме Китая) стали уделять ей меньше внимания, сосредотачиваясь на сиюминутных задачах. В обществе она стала менее авторитетной, снизился интерес к науке как таковой, но зато от нее стали ожидать дешевых сенсаций, чудесных технологий, которые будут немедленно приносить прибыль или мгновенно решать сложнейшие проблемы. В самой науке тоже не всё благополучно – очень трудно оценивать значимость конкретных задач, которыми занимаются ученые, и реалистичность их успешного решения.

Но при этом никакой альтернативы науке нет и не будет. Это единственный способ решения проблем, стоящих перед человечеством, даже если он оказывается медленным и трудным.

У меня интересы достаточно широкие. Это традиционная черта отечественных ученых. Хотелось бы след оставить, а остальное не так важно.

Даниил Викторович Гладких, [Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН](#)

– Почему вы выбрали для своей научной карьеры работу в СО РАН?

– Наверное, как и у большинства тех, кто не принадлежит к числу «потомственных академовцев», это произошло чисто случайно. Когда я учился в Барнауле, мы с моим научным руководителем делали научную работу, которая была достаточно сложной для моего вуза, и меня определили к специалисту из Алтайского государственного медицинского университета. Он сказал: «У тебя хорошая работа. Чем ты планируешь заниматься дальше?». Я ответил: «Чем-то вроде вирусов». И он отправил меня к своему знакомому в новосибирский Академгородок, где меня пригласили в аспирантуру. Однако это было только обучение. В начале карьеры я пошел в коммерческую структуру, а потом через два года вернулся обратно в СО РАН. Был выбор между хорошей денежной работой и карьерой ученого. Я подумал, что живем один раз, и выбрал второе.

– К какой научной школе вы себя относите и почему? Какой вклад вы хотели бы внести в ее развитие?

– Больше всего на меня повлияла, привела мои мысли в порядок именно работа в [ИХБФМ СО РАН](#). Здесь все мы кнорровцы, «вышли» из идей академика [Дмитрия Георгиевича Кнорре](#), и, опосредованно, через научных руководителей, я, наверное, разделяю его взгляды.

– Каким вы видите будущее науки и свое место в нем?

– Я весьма скромно оцениваю свои возможности. Наверное, программа максимум пока – это не внести вклад в ее разрушение. Может быть, если повезет, то внесу какой-нибудь посильный вклад в ее развитие. Будущее науки покрыто туманом: в данном случае – туманом войны с мракобесием, с лженаукой. И свое место я вижу именно как разведчика в тылу врага, потому что популяризация науки очень важна. Люди должны знать, что и зачем мы делаем. Дети обязаны понимать, что мир гораздо интереснее, чем в любых фантастических фильмах и комиксах. Поэтому я очень много времени уделяю именно обучению через развлечение, и мне кажется очень важным успеть воспитывать подрастающее поколение до того, как они пойдут в какие-нибудь менеджеры. А иначе – кто будет потом переселять нас на другие планеты?

Источники:

[Энергия молодости](#) – Наука в Сибири (sbras.info), 19 мая 2017.

[Энергия молодости как движущая сила науки](#) – Новости сибирской науки (sib-science.info), 19 мая 2017.